

Александр Горин

16+

За Пределом

Александр Горин
За Пределом

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Горин А. Н.

За Пределом / А. Н. Горин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-09093-4

Что там за Пределом? Что поджидает душу, отлетевшую от тела и пустившуюся в путешествие по мрачному миру запределья? Даже в потустороннем мире мы ищем родственные души, и если повезёт, то находим преданных друзей или верных подруг. Неважно, что душа весит всего несколько граммов. Зато она способна вместить в себя знания и опыт прожитой жизни, веру в добро и любовь. Эти качества позволяют добиваться успеха даже там, где бессильны боги. Души героев романа оказываются перед выбором: ещё раз принять смерть или побороться за призрачную надежду на жизнь.

ISBN 978-5-532-09093-4

© Горин А. Н., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Пролог	5
Вспомнить всё	7
Хочу всё знать	10
Трудный путь открытий	13
Обряд	18
За закрытой дверью	20
У совести печальные глаза	22
Боги бывают разные	23
Неожиданный пассаж	26
Ад – место для прогулок	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Горин

За Пределом

Пролог

Я умер? Нет, кажется, жив, но почему совершенно не ощущаю своего тела? Анестезия? Я в операционной? Но почему вокруг нет врачей, сестер, аппаратуры и звуков, издаваемых их присутствием? Мои глаза открыты, но кроме яркого света я ничего не вижу. Я не чувствую своих век и не могу ими управлять! Проклятый наркоз, я будто из ваты. Не стоит пугаться смерти, если ты уже с ней сроднился. Я спокойно выслушал приговор онколога и даже почувствовал некое облегчение от того, что период неизвестности закончился. Уж так устроена жизнь, что однажды ей приходит конец. Жаль, конечно, что так быстро прошло моё время, но гораздо тяжелее перенести страдания близких, которым ещё предстоит жить, осознавая, что тебя больше нет. Жена и дети, узнав о моей болезни, а главное, что срок моего пребывания на этом свете ограничен тремя месяцами, впали в ступор. Их стоило пожалеть, но у меня не нашлось слов для успокоения. Зачем-то уговаривали не волноваться, как будто боялись, что я умру не от рака, а от волнения. Приводили доводы в пользу повторного обследования, но убедить меня почувствовать себя здоровым так и не смогли. Врачи сходились во мнении, что оперировать меня в этой стадии бессмысленно и даже вредно, потому что я с большой вероятностью умру прямо на операционном столе. Вскоре меня положили в стационар, где обеспечили сносный уход и наблюдение за последней фазой угасания моего организма. Вообще-то таких пациентов в больнице не держат, но мне помогла протекция старого друга, имевшего крупные связи в мире онкологии. Родные поочерёдно находились со мной в палате, хотя после укола морфина я часто находился в забытьи. Не помню, как оказался здесь. Мне сейчас хорошо, как не было хорошо уже давно. Нет боли, ясное сознание и ощущение невесомости, как будто я нахожусь в водной среде, чувствуя лишь плотность пространства и приятную прохладу. Нет ничего вокруг, но окружающий меня мир вполне материален. Полная тишина и покой. Нет, всё-таки я умер. Отсутствие туннеля и света в его конце меня не смущало, как и отсутствие встречающих родственников.

Сначала был голос. Голос проник в меня и вывел из блаженной истомы, в которой было так приятно нежиться после перенесённых страданий:

– Посмотри на меня!

Постепенно проступал силуэт старика, одетого, как мне показалось, в белёсую, нечитаемую в деталях тогу. На материале не было никакого рисунка, и казалось, что одежда призрачна. Лицо старика, как и руки, выглядело чуть ярче, чем одеяние, но не настолько, чтобы рассмотреть все черты. Я отметил курчавую бороду и вдруг поймал себя на мысли, что старик очень похож на Лаокоона, которого я видел в музее Ватикана. На его лице читалось страдание, хотя внешне он был вполне спокоен. Старик промолвил, но уже тише:

– Ты видишь меня?

– Да, вижу, – ответил я, но не услышал своего голоса.

– Не пугайся, звук в Эфире не имеет опоры, он рассыпается на устах, не успевая сформировать волну. Но мы прекрасно слышим друг друга, и этого достаточно.

Я совершенно спокойно отнёсся к появлению старика, и лишь любопытство терзало меня.

«– Хочу задать вопрос, но не знаю, с чего начать», – произнес я и опять не услышал своего голоса.

– Не нужно вопросов. Всё, что нужно, я расскажу сам, а потом тебе придётся поискать ответы у тех, кто сможет удовлетворить твоё любопытство.

– Откуда вы знаете, что я хочу спросить?

– Я три тысячи лет в Эфире ввожу в курс таких, как ты, поэтому не перебивай, а слушай и запоминай.

Старик приблизился, но я не стал различать его черты лучше, чем раньше.

– Итак, – повторил старик, – ты закончил земное бытие и сейчас существуешь в виде плазменного сгустка в пространстве, которое мы называем Эфир. Ты как микрокомпьютер, но с огромной памятью и скоростью обработки информации. Увидеть тебя могут только тогда, когда ты откроешь допуск к системе распознавания, то есть заговоришь. У тебя нет тела и лица. Визави воспринимает твой образ во время вашего общения некой проекцией собственного представления о тебе как об объекте. То есть он видит тебя таким, как подсказывает воображение. Так же, в соответствии со своими представлениями о контакторе, ты будешь видеть других. В процессе контакта образ может измениться, и ты вдруг увидишь старых друзей, или родных, или врагов, но это не значит, что это действительно они. Просто работает ассоциативная память, вписывая в образ давние воспоминания. Вероятность встретить кого-то конкретного настолько мала, что стремится к бесконечности. Перемещение в Эфире связано с напряжением твоего информационного поля и его активностью. Если ты пытаешься открыть свои воспоминания и работать с ними, исправляя и переписывая заново страницы прожитой жизни, то тебе гарантировано перемещение в Эфире на всех уровнях, за исключением уровня ЗОИ. Если ты впадешь в спячку и не будешь активен, перемещаться по уровням не сможешь. У тебя есть свобода выбора, но... – старик замолчал, а я решил, что теперь можно задать вопрос, но не успел. Старик продолжил:

– Твоя задача – проследить свой жизненный путь от первых воспоминаний детства до последних дней твоего пути на земле. Хотя ты и плазменный сгусток, но эмоционально тебе придётся пережить жизнь заново, а некоторые моменты по многу раз, пока не найдешь верного пути. Подсказок нет, а есть множество таких же, как ты, и, если тебе повезёт, пользуясь их опытом и помогая им в решении задач, ты сможешь получить код идентификации и попасть на уровень ЗОИ. Это будет непросто. Последнее, что тебе потребуется, – коды для выхода из диалога и впадения в сон. Спать необходимо для перезагрузки системы после сильного эмоционального экзерсиса. Отдохнув, ты можешь продолжить ревизию своей жизни в поиске кода. Выход из сна автоматический, после достижения стабилизации системы. «Гипнос» – кодовое слово для сна. Слово прощания – «аминь».

Произнеся «аминь», старик стал терять очертания и исчез. Мне сразу вспомнились почти все нехорошие слова, которые я употреблял или слышал в своей жизни. Эти слова я послал вслед старику, не особо надеясь, что они смогут его разыскать на всех эфирных уровнях, включая ЗОИ. «Круто попал», – резюмировал я, когда моя материнская плата остыла от перегрузки. Хамское отношение к моей персоне и неудовлетворённое любопытство на некоторое время выбили из равновесия, но надо с чего-то начинать...

Вспомнить всё

Как сказал старик, начать надо с самых ранних воспоминаний детства. Они есть, правда, не очень много, к тому же достаточно расплывчатые, как водные раскраски в картинках. Пожалуй, начну с самого начала. Первое воспоминание из колыбели. Да, именно оттуда, хотя ученые говорят, что ребенок помнит себя, начиная где-то лет с трёх. А я помню, как, лёжа в кроватке, смотрел вверх и немного назад на стенку, оклеенную обоями с продольными полосками, на которых был цветочный рисунок. Представлял, что я маленькая таракашка, ползущая по нарисованным лепесткам с загогулинами. Но лепестки прерываются, и чтобы попасть на следующий цветок, мне нужно перепрыгнуть пустоту. Я боюсь прыгать, боюсь пустоты, и нет загогулины, по которой могу спокойно переползти. Надо бы развернуться и ползти назад, но как это сделать, я не знаю. Так и застыл на кончике листа, не сумев принять решения. Моя мама рассказывала, что такие обои я помнить не мог, потому что они были переклеены на обои без цветочков, когда мне был год. Я маме верил, но твердо помню каждый завиток и цветочек до сих пор. Мой процессор выдал резюмирующую мысль: «Нерешительность в принятии решений». Он прав на все сто, но раньше я об этом не задумывался. Идём дальше. Мне три с половиной года. У нас радиолка с пластинками, много детских книжек со сказками и стихами. Всё это я уже знаю наизусть и при случае цитирую или исполняю гостям. Однажды, в выходной, мой папа прилёг после обеда отдохнуть, а я залез к нему на грудь поиграть. Отец сквозь дрему просит меня рассказать какую-нибудь сказку из прочитанных мне детских книжек. Я, начиная рассказывать, увлекаюсь и сочиняю такой триллер, что папа теряет сон и спрашивает: «Скажи, сынок, а где у нас такая книжка?» И я гордо заявляю о своём авторстве, хотя в рассказе использовал персонажей, знакомых по прочитанным мне книгам. Воодушевлённый удивлением отца, я рассказал ещё одну, тут же выдуманную историю. Получается, у меня с рождения было богатое воображение. Почему-то я не реализовал эту способность при жизни. Уж не потому ли, что не встретил своего старика в образе Лаокоона.

Так, идём дальше. Мне четыре года. Отец едет в командировку в Ленинград и берёт меня с собой, дабы приобщить мальчика к культурной жизни и показать город-музей, который он очень любил. Я сопровождаю его на деловую встречу, а потом мы осматриваем достопримечательности города: «Аврору», домик Петра, Эрмитаж, Петропавловскую крепость, памятник Петру, Исаакиевский собор. Воспоминания окрашены в мрачные тона из-за озноба и периодически подступающей тошноты, причиной которых было заболевание. Когда мы вернулись в гостиницу после совсем не детского вояжа по памятным местам, у меня началась рвота. Отец вызывает неотложку. Температура сорок градусов, и меня обтирают салфетками, смоченными водкой. Врач предполагает воспаление лёгких и рекомендует срочно самолётом вернуться в Москву. Я лежу в горячечном бреду, но иногда прихожу в себя, когда температура спадает. В один из таких моментов смотрю на отца, который сидит у постели и плачет.

«— Я не умру», — говорю, успокаивая отца. — Мы приедем домой, и я поправлюсь.

Отсутствие жизненного опыта легко компенсируется верой в бессмертие. Хотелось бы назвать это бесстрашием, но дальнейшие события опровергают такой вывод.

Со смертью мне довелось познакомиться в довольно раннем возрасте. Мне было шесть, и я гостил у бабушки в Подмоскowie. Квартира, в которой проживала бабушка, была двухкомнатной коммуналкой с небольшой кухней и длинным коридором. Во второй комнате проживала семья из трёх человек. Третьим был мальчик Витя чуть старше меня, с которым мы играли на улице и в коридоре квартиры. Однажды в середине лета Витя предложил мне шикарное развлечение, а именно покататься на грузовиках, которые регулярно проезжали по дороге, идущей вдоль железнодорожной линии. Дорога была насыпная, с многочисленными колдобинами и ямами, оставшимися от высохших луж. Называлась она откосом и пролегалла в двух-

стах метрах от нашего дома. Мой друг Витя разъяснил, как мы будем развлекаться: «Скорость машины в некоторых местах маленькая, особенно там, где ямы. Мы цепляемся между машиной и прицепом, садимся на сцеп между кузовами и едем до станции, а обратно ждём машину в нашу сторону. Короче, даже пешком ходить не надо». Честно говоря, мне очень захотелось прокатиться на грузовике, но моя бабушка категорически запретила приближаться к откосу. Я стоял перед нелёгким выбором, понимая, что меня неминуемо ждёт грандиозная выволочка. И принял мудрое решение: дождаться, когда Витька прокатится сам, а там будет видно. Ждать результата пришлось недолго. На следующий день бабушка сказала мне, что Витька погиб на откосе под колёсами грузовика. В день похорон меня пригласили в комнату, где на табуретках стоял гроб. В нём, укрытый по шею белой тканью с каймой, лежал Витька. От виска через лоб тянулся припудренный шов, и ярким пятном выделялось совершенно бескровное лицо, контрастирующее с кипенно-белой тканью. Одета в черное старуха поправляла покрывало, которым был прикрыт покойный. Глядя на её морщинистые руки, я подумал, что она и есть Смерть, которая пришла за моим другом, дав нам немного времени, чтобы проститься. С тех пор я сделал вывод: «Никакое удовольствие не стоит риска расставания с жизнью». А старуха мне приснилась чуть позже, когда я пошёл в первый класс. Во сне она пряталась за шкафом и караулила меня, набрасываясь, как только я приближался слишком близко. Воспоминания резко оборвались, потому что я услышал «голос», а затем увидел очертания женщины, которая подходила ко мне.

– Кто ты? – задал я вопрос.

– Я..? – женщина, кажется, удивлена и немного раздражена моим вопросом.

– Простите за бесцеремонность, мадам. Я тут новичок и хочу задать несколько вопросов, – как можно мягче произнес я. Насколько мог, рассмотрел свою визави. Дама средних лет с пышными волосами и приятными чертами лица, одетая в костюм, который состоял из жакета с большим декольте и юбки миди. На ногах туфли-лодочки. Она напоминала мне классическую «училку», которой для полноты образа не хватало округлых очков и указки.

– Вопросы? У меня тоже есть что спросить. Ты сможешь решить маленькую загадку? – медленно произнесла она.

Вспомнив, что старик наказал помогать другим, чтобы помочь себе, я ответил утвердительно, хотя не был уверен. Она продолжила, сделав небольшую паузу:

– Незадолго до моего прихода сюда муж, вернувшись домой, сделал комплимент по поводу моей одежды такой фразой: «Дорогая, ты великолепно одета! Мы идём ужинать в ресторан или ты приготовилась ко сну?» Мне необходимо вспомнить, во что я была одета. Для меня это очень важно.

Я попытался представить наряд, который подошёл бы к обоим случаям, и кроме пеньюара придумать ничего не смог.

– Может, это был пеньюар? – неуверенно предположил я.

– Боже! Ну конечно, это был мой шикарный сиреневый пеньюар с кружевами и соболиной оторочкой. Она засмеялась, и я вдруг увидел перед собой красивую молодую женщину с копной каштановых волос и в облегающем длинном платье, переливающимся перламутровым блеском, которое обтягивало её великолепную фигуру. Мне показалось, что она пристально посмотрела на меня, как бы подчёркивая интерес к моей персоне, а затем продолжила:

– А ты душка! Так что ты хотел спросить?

– У меня куча вопросов, но вряд ли смогу начать с главного, – ответил я, насладившись её образом.

– К сожалению, я не смогу дать ответ на всё, что ты хочешь узнать. Ты должен задать мне вопрос, который волнует тебя именно сейчас, – сказала она многозначительно.

Как ни странно, но я задал сразу два:

– Почему нужно досконально рыться в воспоминаниях и что будет, если я просто впаду в спячку?

– А чем, прости, ты ещё можешь здесь заниматься? Сексом? Обжорством? Играть в казино или отдыхать на морском берегу под пальмой в бунгало? Кадилаков, линкольнов и харлеев тут тоже нет. Но не расслабляйся. Сон может показаться тебе большим злом, чем ковыряние в мозгах. Хотя я этого доподлинно не знаю. Это всё, что я могу тебе ответить. Аминь.

Она растворилась так же, как старик, оставив меня в большом недоумении. Эх, завести бы блокнот для систематизации полученной информации. Также, нужно быть готовым к внезапным встречам, имея запас вопросов, на которые я хочу получить ответы. Стоп! Ведь я сам себе компьютер. Почему я продолжаю мыслить, как человек? Почему испытываю чувство тревоги и дискомфорт? В приступе раздражения собой я закричал...

Хочу всё знать

На мой вопль отозвались сразу две фигуры. Девочка-подросток с милыми косичками и огромными глазами, одетая в бриджи и курточку с капюшоном. И здоровенный детина, похожий на штангиста. Одет он был в футболку и шорты, которые позволяли увидеть мощные мускулистые ноги, обутые в высокие кроссовки. Девочка при появлении сказала: «Я здесь». А качок низким басом пророкотал: «Отвали, надоело». Учитывая пожелания присутствующих, я переключил своё внимание на девочку:

– Привет, ты давно здесь?

– Привет, мои часы остановились навсегда, когда меня сбил автомобиль, – ответила девочка. Затем она продолжила:

– Здесь нет точки отсчёта времени, кроме момента прибытия. Выходит, что я тут целую вечность.

– Ты помнишь, когда это случилось с тобой? – с участием спросил я.

– Второго июня одна тысяча девятьсот восемьдесят первого года недалеко от Гайд-парка в Кенсингтоне.

– А город?

– Ах, да. Лондон, конечно.

– Ты англичанка? – спросил я, чуть напрягшись.

– Ну да, – улыбнулась девочка, – тебе нравятся британки?

– Я не говорю на английском, но ведь мы понимаем друг друга. Значит ли это, что тут язык универсален? – я сделал акцент на слове «тут».

– Наверно. Мы здесь представляем некую субстанцию, у которой отличны лишь воспоминания. Я задам тебе встречный вопрос. Если душа вечна, а мы ведь души, то получается, что мы вечные скитальцы?

Её вопрос вверг меня в смятение. Неужели после нескольких десятков лет жизни на земле мне придётся теперь целую бесконечность провести в этом карцере, где кроме раздумий и краткого обмена мнениями нет ничего? Кажется, девочка прочла мои мысли и медленно, выделяя каждое слово, произнесла:

– Я хочу умереть, – и, сделав паузу, добавила: – наверно. Ты не знаешь, как это проделать? Думаю, нет. Судя по твоим вопросам, ты новенький. Я не ошиблась?

– Ты права. Ответь, мы можем опять встретиться в Эфире, допустим, через какое-то время?

– Я уже объясняла, что тут нет времени, но мы можем не расставаться. Главное – не говорить слово прощания.

Такой расклад меня воодушевил, и я с благодарностью взглянул на свою будущую спутницу.

– Как тебя звали на земле? – спросил я. И, памятуя о правилах приличия, представился: – Илья.

– Эмми.

– Хочешь, я расскажу, что произошло на земле за те годы, что ты в Эфире? Ведь сейчас две тысячи семнадцатый год.

– Ты жил в Великобритании?

– Нет, в России, – немного смутившись, ответил я.

– Тогда лучше расскажи, как нам существовать здесь. А то, что было на земле, я слышала от разных контакторов, нашедших тут вечное пристанище. Тебя не смущает, что мы существуем вопреки всем законам, открытым человечеством? Кому было нужно собрать в одном месте миллионы, скажем так, душ и заставить их искать конечную цель пребывания в этом

мерзком пространстве, именуемом Эфиром? Что такое код идентификации и что он даст в итоге? Почему, если это чистилище, я сама должна оценивать поступки своей жизни, а не святой Петр, к примеру? А как же младенцы, которые даже не успели научиться говорить? Кто тут главный? Кто решает – «быть или не быть?». Ответь мне.

– У меня тоже есть вопросы, на которые хотелось бы получить ответы, но я понял, что ответы дадутся нелегко, а может быть их не будет вовсе. Поэтому не будем торопиться, да и некуда. Впереди вечность, значит, по времени ограничений нет. Конец бывает всему, но меня радует, что мы теперь вдвоём. Следовательно, все преграды на пути к истине сможем обходить с разных сторон. Это позволит расширить горизонты познания для решения архисложной задачи. Мой план состоит из сбора информации, которая позволит делать промежуточные выводы и предпринимать последующие шаги. Остальное мы придумаем сами. Кстати, что такое уровень ЗОИ?

– Одной даме удалось разговаривать Привратника, и она сказала, что ЗОИ – это аббревиатура. Звучит мрачновато: «Зона Окончательной Идентификации».

– Привратник – это кто?

– Так зовут того, кто инструктирует души новичков, прибывших с земли. Мне кажется, не он тут главный.

– Эмми, раз есть привратники, значит, есть и некто, присваивающий коды. А также комиссия по реабилитации, комиссия по рассмотрению жалоб на неправомерные решения, комиссия по спорам, ну и те, кто разработал всю эту галиматью.

Мне показалось, что Эмми улыбнулась, а может, нет.

– Сколько тебе было лет, когда случилось это...? – я пытался подобрать мягкое выражение.

– Двадцать два года, – очень тихо произнесла она и как будто вздохнула. В этот момент я увидел совершенно другой образ Эмми, который почти полностью, за исключением мелких деталей, был копией моей жены в возрасте двадцати двух лет. Весна нашего знакомства. Ещё я отметил, что образ стал более красочный. В нём как бы зажглась жизнь. Воспоминания хлынули потоком картинок одного из самых счастливых моментов в моей жизни. Этакое слайд-шоу в моём сознании, перебирающее эпизоды свиданий с будущей женой. Наша радость от общения, первые поцелуи и прикосновения, прогулки и предвкушение новых ощущений. Всё пронеслось калейдоскопом и привело меня в состояние эйфории. Если бы у меня были глаза, то, наверное, они бы увлажнились от теплых эмоций, связанных с моей любимой. Я почувствовал пустоту и невосполнимость утраты всего, что ещё недавно было для меня естественным смыслом жизни.

– Эмми, со мной происходит странная метаморфоза. Я стал видеть образы четче и, в отличие от первого контакта, более цветные что ли. Так и должно быть?

– Да, со мной было так же. Похоже, наше сознание адаптируется к восприятию, минуя зрительные рецепторы.

– Ты говоришь, как доктор.

– Я училась на медицинском факультете Лондонского колледжа по специальности микробиология. Правда, по известной причине окончить обучение не смогла.

Чтобы перевести разговор с щекотливой темы в иное русло, я перешел к вопросу, волнующему нас обоих:

– Эмми, я пытаюсь осмыслить наше существование здесь, отталкиваясь от стереотипов, наработанных человечеством, хотя лучше включить фантазию. Рассмотрим этот мир с точки зрения известных постулатов. Это явно не рай в понимании христианства. К тому же Привратник сказал, что работает в Эфире три тысячи лет, ну или около. Значит, мы не встретим ни Деву Марию, ни апостолов, ни самого Христа. По срокам выходит, что этот мир создан в

период Древней Греции или немного раньше. И странно, но Привратник привиделся мне в образе Лаокоона, правда, без змея и детей. А ты его каким видела?

– Кажется, он был похож на Геродота.

– Ну вот, Геродот, – констатировал я, – опять же Древняя Греция. Похоже, что нам ещё предстоит познакомиться с богами Олимпа и другими персонажами древнегреческой мифологии. Интересно будет пообщаться с контакторами на эту тему. Может быть, мы близки к открытию, которое позволит сделать следующий шаг. Хотя, если пользоваться хронологией доминирующих религий, пожалуй, можно включить сюда и египтян, и кришнаитов, а также буддистов и зороастрийцев. Остановимся на греках, это ближе к теме Эфира, Гипноса, Геродота и Лаокоона. Как ты, наверное, знаешь, современная цивилизация существует около семи тысяч лет, ну, может, чуть больше. Сначала люди определяли своё существование потребностью обоснования процессов вселенского бытия, ища гармонии с миром, порой жестоким, порой необъяснимым. Так возникло учение Абсолюта – Единого высшего начала Вселенной. Но эта религия не давала ответы на главный вопрос: «Кто создал мир, людей, животных и прочая?» И тогда появился Логос – Творец всего сущего. Помнишь в Ветхом Завете: «В начале было Слово». Так человеческая фантазия постепенно подчиняла себе законы мироздания, порой через доступные трактовки примитивного видения действительности. Думаю, в основе нашего теперешнего состояния лежат реальные законы вселенной, а не мистика. Кому-то захотелось создать иллюзию резервации душ в той форме, в которой мы её наблюдаем, и создана она по аналогии, быть может, с мифами древних греков. Я хочу пройти весь путь, предначертанный нам, не испытывая сомнений в правильности своего выбора. Ты должна мне в этом помочь.

– Тогда я предоставляю тебе право вести переговоры и подписывать контракты со всеми, кто сможет оказать нам помощь в установлении истины. Я буду звать тебя Адвокат.

– Может, лучше просто Илья? – смутился я.

– Может, и лучше, но верительную грамоту я уже вручила и спрошу с тебя за все тяготы и мучения, которые мне придется пережить, – засмеялась Эмми. – А главное – с момента твоего появления я обрела смысл существования в этой преисподней.

В этот момент я смотрел на Эмми, но видел Катю и любовался ею.

Трудный путь открытий

Память извлекла из глубин плазменного «винчестера» эпизоды, связанные с женой или с событиями, происходящими в нашей семье, где Катя присутствовала даже незримо. Подробный анализ привидевшихся мне картинок позволил сделать глобальный вывод об огромной роли жены в моей собственной жизни. А также в формировании моей личности и интересов, начиная с привычек и заканчивая пристрастием к определённой музыке или еде. Как говорят китайские мудрецы: «Посеешь привычку – пожнёшь поступок, посеешь поступок – пожнёшь характер, посеешь характер – пожнёшь судьбу». Только теперь до меня дошло, что своей насыщенной и счастливой жизнью я во многом обязан своему Катёну, как любил я её называть в минуты духовной и физической близости. Тут я почувствовал резкую боль в том месте, которое было расположено в самом центре виртуального мозга моего компьютера. Это невозможно объяснить, но ощущения были реальны, как будто у меня все ещё было тело, и нестерпимые муки волной растеклись от центра к периферии моего существа. Сознание помутнело от нестерпимой боли, и я, кажется, отключился.

Я увидел радугу. Она была огромна, и каждый цвет её спектра был разделён белым промежутком, этакой нежной молочной прослойкой слоёного пирога. Сознание возвращалось медленно. И постепенно в молоке один за другим растворялись цвета, словно прослойка сжирала разноцветные коржи.

– Илья! – услышал я голос Эмми. – Проснись!

Передо мной была Катя, которую я до сих пор безумно люблю и которую я потерял навсегда. Резкость восприятия образа усилилась почти до реального. Цвет одежды лица и рук стал близок к естественному. Скорее всего, я сделал апгрейд системы адаптации окружающего пространства из-за процессов внутреннего познания эмоционального эго. Другого объяснения у меня не нашлось. Кроме того, окружающее пространство стало светлей и границы видимого как бы раздвинулись.

– Ка... , прости, Эмми, я видел сон и не проснулся окончательно. Зато у меня появились вопросы, ответы на которые помогут нам приблизиться к решению головоломки.

– Отвечу на все, если смогу.

– Каким ты меня видишь? В смысле реальным или размытым, в естественных цветах или блёклым, как зрелый одуванчик?

– Твой образ бесподобен! Ты вылитый Роджер Мур в роли Джеймса Бонда, и мне льстит, что я знакома с такой знаменитостью. А на колер твоего костюма я не обращала внимания до твоего вопроса, зато теперь могу сказать, что темно-синий цвет тебе к лицу. Ещё вопрос?

– Расскажи мне подробнее о трансформации окружающей среды и объектов, встречаемых тобой за предыдущее время. Насколько сильно всё изменилось и какие реперные моменты ты с этим связываешь?

– Когда я попала сюда, ощутила некое смятение чувств. Был шок. Очень трудно было собраться с мыслями. Я по натуре очень общительна и открыта. Наверно, потому меня очень долго преследовало чувство глубокого одиночества. Я впадала в спячку, видела обрывки снов и видений, просыпаясь жутко подавленной и разбитой. Однажды появился древний старик, именно древний, потому что голос его был похож на скрип старой осины, а вид – на мятый пергамент. Он называл меня «Дитя», и я чувствовала какое-то скрытое сострадание ко мне. Он посоветовал вспомнить что-то нежное и трогательное из моей жизни и добавил, что это очень нужно ему якобы для настройки наших мыслей на одну волну. Я вспомнила своего любимого кота Марса. Вспомнила бешеный поток нежности и любви, когда он ел с руки кусочка мяса, преданно заглядывая мне в глаза, облизываясь и урча от удовольствия. Я почти ощущала теплоту его шелковистой шерсти и его запах. Он пах уютом, немного фиалкой и свежестью. Когда я

осмотрелась, увидела себя на краю огромного водопада. Чаша воды, окруженная обрывистыми берегами. Вверх от воды поднимались серебристые брызги и белёсая водяная пыль, а нескончаемый поток, закручиваясь в спирали, срывался вниз, неся с собой вечность, прохладу, покой. Странно было то, что я никогда не видела водопадов, ну разве только на картинках, а видение было таким реальным, что даже сейчас я с легкостью могу воспроизвести все увиденное. Я сказала старику об этом. «Это Ниагарский водопад, – ответил он. – Значит, настройка прошла успешно». С того момента я стала видеть всё в естественных тонах, а границы пространства вокруг меня раздвинулись.

– Ну и? – нетерпеливо спросил я. – Что он ещё сказал тебе?

– Он сказал, что в Эфире всё похоже, но всё не так, как мы привыкли представлять. А чтобы принять это, нужно пройти через себя и вернуться обратно. Честно, я до сих пор не поняла, что он имел в виду. Может, ты сможешь разгадать смысл сказанного. Старик исчез. Потом я уже не впадала в спячку так часто. Пыталась следовать советам Привратника, иногда погружаясь в собственные воспоминания и беседуя с другими душами. Что ты думаешь об этом?

– Эмми, ты дала столько информации, что мне нужно немного времени, чтобы её осмыслить. Вернёмся к обсуждению чуть позже, хорошо?

Обдумывая рассказ Эмми, я вдруг вспомнил слова декана нашего факультета, который на первой встрече знакомства с первокурсниками произнес сакраментальную фразу: «Вы встали в очередь за дипломом. Для тех, кто хочет учиться, проблем не будет, а вот бездельникам и лентяям мы за пять лет всё равно вобьём в головы тот минимум знаний, который вы будете использовать в дальнейшей профессиональной деятельности». Из этого напутствия я извлёк для себя урок – учиться придётся при любом раскладе, а значит, концентрироваться на тех знаниях, которые в дальнейшем станут базисом развития. Следовательно, пока я не обладаю необходимым набором понятий о законах Эфира, нужно продолжить изучать эту субстанцию, пока не накопится критическая масса и решение не придёт само. Однако, что мы имеем? Главное из сказанного моей спутницей – это возможность настроиться на одну волну. Но для чего? Старик вывел её из депрессивного состояния за счёт очень приятных воспоминаний. А что если мы сможем объединить наши плазменные компьютеры в виртуальную сеть? Какие преимущества у нас появятся и не повысит ли это нашу уязвимость? Уязвимость от кого? От эфирных хакеров, пытающихся взломать наши воспоминания? Ну, взломали и порылись. Нашли в уголках подсознания тайны денежных вкладов, зарытых сокровищ и угрызений совести. Дальше что? Использовать это здесь невозможно. Тут проблема не в материальном, а в терабайтах памяти и процессах обмена между непонятно какими устройствами. Пожалуй, не стоит копать в том, что необъяснимо, проще определять то, что всплывает на поверхность. Туманная фраза «Принять, пройти через себя и вернуться обратно, чтобы понять, что всё не так, как представляешь» в принципе может дать начало к действию. Тут основной глагол «пройти», вот и пойдём!

– Эмми... Эмми! Эмми, где ты? Ты меня слышишь? Отзовись!

Я не вижу её и не слышу. Что происходит? Я совсем не готов потерять Эмми. Чёрт!

Надо собраться, взять себя в руки. Я мыслю, как будто я всё ещё на земле. Что же мне делать? Мой микроскопический мозг отказывается соображать и нормально функционировать. Туман и мгла вокруг, пустота внутри...

Когда мы теряем близких, ощущаем липкое и тошнотворное чувство пустоты. Сознание не сразу адаптируется к потере. Каждая мысль пронизана воспоминанием былых времён, проведённых с ушедшим, его образ, слова, улыбка и многое другое наталкивают на простой вывод: этот человек незаменим никем из ныне живущих. Лично для тебя он абсолютно индивидуален, и это делает потерю непереносимой. Иногда смерть избавляет твоих любимых от боли и мук, но всегда становится воплощением боли для тебя. Ты продолжаешь жить в привычном мире, полном всевозможных обязанностей, контактов, информации, где некогда порой сосредоточиться

на собственном горе. Ты ешь, спишь, говоришь и делаешь еще множество дел, которые нагружают мозг и тело, заставляя отодвинуть глубоко внутрь эмоциональные всплески, вызванные потерей. Малознакомая девушка не была мне близка, но здесь, в Эфире, где я остался в полном одиночестве, мысли об её потере сравнимы лишь с мыслями о собственной кончине. Смерть не так ужасна, как мысли о ней. Мне захотелось умереть второй раз.

– Илья, – услышал я голос Эмми, который буквально потряс меня.

– Эмми, дорогая! Слова закончились, сменившись бешеным приливом радости. Будь у меня тело, я бы станцевал джигу, плавно переходящую в брачный танец павиана.

– Что случилось? Твой голос дрожит, и ты сказал «дорогая».

– Я потерял тебя, испугался одиночества и осознал, что наше мимолётное знакомство стало смыслом моего теперешнего существования. Прости за импульсивность.

– Приятно слышать, что моя персона удостоена такой высокой оценки и внимания. Но разве ты забыл, что, пока не произнесено слово прощания, разорвать нашу связь не получится? Я была во сне, перебарывая воспоминания и надежды на вечный покой, лишенный волнений и страха, которые мне здесь уготованы. Ты обещал мне помочь в поиске выхода из того кошмара, в котором мы оказались.

– Никогда не отказывался от своих слов. К тому же я заинтересован в этом не меньше, чем ты. Мне пришла в голову мысль... («Если мысль приходит в голову, значит, зарождается она в каком-то другом месте», – подумал я, но не произнёс, боясь оскорбить спутницу сальной шуткой.) Мы могли бы, по аналогии со стариком, настроить процессоры в режиме сети и объединить наши интеллекты в один.

– Я не понимаю...

– Прости, я забыл, что мы жили немного в разное время. С середины восьмидесятых годов двадцатого века развитие информационных технологий получило огромное ускорение и достигло к моменту моего ухода в Эфир всеобъемлющего значения. Сегодня даже дети имеют домашнюю вычислительную технику, которая в тысячу крат превосходит ЭВМ периода твоего пребывания на земле. Телефоны люди носят в кармане. С их помощью могут не только разговаривать, но и получать и отправлять фотографии, кинофильмы, музыку и текстовые сообщения в любую точку мира. И это всего лишь телефоны. Но есть ещё интернет, который называют «всемирной паутиной». Он дает возможность получить практически всю информацию о накопленных человечеством знаниях, новостях со всего света, прогнозах погоды в любом уголке планеты, снабжает активными географическими картами и многими другими вещами. Можно совершать покупки в других странах, не выходя из дома, просматривать новую коллекцию одежды модного кутюрье или меню популярного ресторана. Я не смогу перечислить все возможности, открывшиеся с использованием интернета и современных технологий, но по мере возможности буду рассказывать тебе о всяких новшествах, появившихся за период твоего отсутствия. Мы практически являемся уменьшенными копиями компьютера, правда, с очень ограниченными возможностями и слабой оперативной памятью. Кроме знаний и опыта, полученных за время жизни, в нас не заложены никакие данные, которые мы могли бы активировать и использовать для решения собственных задач. Хотя я бы не был так категоричен, потому что мы находимся в другом измерении, а тут могут действовать иные законы. Вернёмся к компьютерной сети. Обычно в сеть объединяют несколько машин для оптимизации обмена информацией или ускорения быстроты взаимодействия. В нашем случае эффект непредсказуем, но может стать, что это позволит нам увеличить совместный потенциал, и к тому же позволит мне не потерять тебя в пространстве.

– Ты правда боишься меня потерять? Может быть, остальные доводы просто уловка, помогающая получить моё согласие?

– Эмми, так или иначе, но мы уже связаны посредством единого желания избавиться от заточения в этом импровизированном аду. Моё отношение к тебе тёплое и доброжелательное

настолько, насколько возможны симпатии между двумя страждущими душами. Если у тебя есть сомнения в моей искренности, я приму твой отказ без обиды.

– Мне показалось, что наши отношения стали другими, более близкими что ли. Я согласна, – пролепетала Эмми, как бы оправдываясь, – но обещаю не залезать в укромные уголки моей памяти, а если так выйдет случайно, не спекулируй этим.

– С чего ты взяла, что я получу доступ к твоим воспоминаниям?

Эмми взяла паузу и медленно, как бы раздумывая, произнесла: – Тот старик... Помнишь Ниагарский водопад? Я видела и другое, то, что не было моим воспоминанием. То, что помнил он, а может, просто позволил мне туда заглянуть. Это не земное, это было скорее в Эфире.

– Что ты видела?

– Я стою на вершине пирамиды. Вокруг чёрная бездна, усыпанная мириадами звёзд и невероятных размеров луна над головой. Может, не луна, я не разбираюсь в астрономии. Огромных размеров шар, слегка подёрнутый тенями облаков и проблеском сияющих промежуточных. Передо мной появляется куб, состоящий из маленьких кубиков, похожих на экраны телевизора, и на каждом из кубиков транслируется динамическое изображение. Как маленькие экраны в кинотеатре, на которых идут разные фильмы. Трудно понять взаимосвязь сценариев, воспроизводимых этим мультиэкраном, к тому же сюжеты и участники мне не кажутся знакомыми, но зрелище завораживает. Внезапно один из кубиков начинает увеличиваться в размере, как бы заполняя соседние, и, отделившись от большого куба, приближается ко мне, акцентируя внимание на эпизоде. Затем выдвигается другой кубик, потом другой, и так продолжается несколько раз.

– Тебя это потрясло? – спросил я.

– Скорее зачаровало, – задумчиво ответила девушка.

– Похоже, тут не обошлось без Спилберга, – нелепо отшутился я.

– Спилберг – это который снял «Челюсти»?

– Да. И ещё много интересных фильмов разных жанров, неизменно привлекающих внимание публики своей зрелищностью.

– Я хочу в кино. Я обожаю кино! ...И «Битлз».

– А я люблю «Пинк Флойд», – ответил я и впервые почувствовал себя живым с тех пор, как умер, – правда, «Битлз» мне тоже нравятся.

– У «Пинк Флойд» сложная музыка. Под неё трудно танцевать, а мне всегда хотелось танцевать под музыку. Вообще-то «Стена» мне нравится, – мечтательно отозвалась Эмми, – но с «Битлз» связана лучшая пора моей юности. Нужно возвращаться в реальность. Проведём обряд слияния душ, и тогда, может быть, я не буду задавать тебе лишних вопросов, а смогу почерпнуть в твоей памяти всё, что пропустила за те годы.

– После рассказанного тобой хочется осмыслить риски, которые могут возникнуть в результате создания единой сети, которое ты назвала слиянием душ. Нет, я не против того, что ты получишь доступ к моей памяти, а я к твоей. Вопрос в другом: не приведет ли это к размыванию личности? Сейчас наше эго управляется нашим разумом. Что будет, когда разум станет один, а эго два?

– Будет дурдом, – рассмеялась Эмми, – и в этом есть свои плюсы. Разве плохо будет, если мы перестанем осознавать себя как личность, уподобившись растениям, которые просто существуют в среде их обитания, не предъявляя к окружающей действительности никаких требований? Мы существуем, но нам всё равно. Это ли не счастье?

– Должен тебя расстроить. Скорее мы будем страдать диссоциативным расстройством идентичности, что в просторечии называют раздвоением личности, но вряд ли это сделает нас счастливой. Меня беспокоит другое. Привратник говорил о коде идентификации. Следовательно, когда такой вопрос встанет, сможем ли мы доказать свою идентичность?

– Лично я не собираюсь определять себя как объект для использования кем-то, в интересах кого-то. Я – это я. И подтверждение этой аксиоме искать не хочу, а вот улучшить своё существование хотя бы в эмоциональном плане не откажусь. Если тебя пугает перспектива быть со мной одним телом, буду искать себе другую душу, которая так же одинока, как я.

Показалось, что жена прочла нотацию на тему неправильного воспитания детей. Тот же напор и та же убеждённость в своей правоте. В который раз, я уверился в том, что женщины часто руководствуются сиюминутными желаниями и собственными интересами, забывая о многих побочных последствиях своих решений. Однако мой выбор невелик, так как Эмми для меня уже стала средоточием смысла моего существования в Эфире.

– Эмми, я готов пройти все круги ада, прости, Эфира, только с тобой. Что бы ни поджидало нас на пути, я никогда не заставлю тебя жалеть о том, что ты выбрала меня своим спутником. Клянусь!

– Я рада, что ты не растоптал мою веру в Джеймса Бонда, в чьём облике предстал при первом знакомстве.

«Ого, – подумалось мне, – я становлюсь идеальным мужчиной?»

Обряд

Мне предстояло вспомнить один из счастливых моментов своей жизни, который бы настроил нас с Эмми на одну волну, или сказать проще, подключил сетевой адаптер. Счастье – это когда человеку хорошо, но для осознания себя счастливым не хватает самой малости: приятного события. Большинство людей оценивают счастье как одномоментное состояние радости от события, которое украсило их жизнь яркими эмоциями, часто связанными переходом от состояния хандры к состоянию веселья. Именно поэтому на вопрос «Что такое счастье?» ответы бывают не только неожиданными, но и парадоксальными. Например, такой ответ: «Я почувствовал себя счастливым, когда мне на голову нагадил голубь». Поясняя, человек отвечает: «Я представил, что вместо голубя могла быть корова». Ход его мысли понятен, но возникают сомнения, а счастье ли это? То есть, ответив на вопрос о счастье, человек сказал не о том моменте. Радость он ощутил после, когда, вытирая с головы птичье гуано, представил, что это мог быть кирпич или что-то ещё более увесистое. Но в одном я уверен абсолютно: у него в тот период было всё отлично. Просто прилив счастья вызвала мысль о том, что он чудом избежал беды. Вот и я, копошась в своих воспоминаниях, пытаюсь найти одну из таких историй.

Нет такого человека, который никогда не мечтал. Мечтают все, от мала до велика. Сводятся все мечты зачастую к сугубо материальному, реже духовному насыщению. Лично я называю мечты – полётом мысли над собственной несостоятельностью. Люди, у которых есть «всё», перестают мечтать. Они начинают раздумывать, как это «всё» сохранить и кому в итоге оставить. Я же, начиная лет с пятнадцати, мечтал иметь машину. Эта мечта казалась миражом в море бытовых проблем, но я неуклонно продвигался к ней окольными путями, интуитивно предугадывая шаги для реализации своей фантазии. В двадцать девять я сел за руль своего авто и на продолжительное время стал счастливым человеком, но это не было счастьем. Это был результат усилий, которые приложил для достижения своей цели. А вот состояние счастья я ощутил дней через десять после покупки машины, когда чудом увернулся от несущегося мне в лоб грузовика. На тот момент я имел жену, маленького сына, хорошую работу, и всё у меня было прекрасно, а счастья не было. Вот оно и прилетело ко мне в виде грузовика, управляемого скорее всего мертвецки пьяным водителем. Объяснить, что я почувствовал пять минут спустя, невозможно, но это было именно счастье.

– Эмми, ты готова?

– Да, а ты?

«– Я реанимировал свой счастливый эпизод и хочу им с тобой поделиться», – сказал я и провалился в прошлое.

Вместо кормления кота, как ожидал вначале, я увидел больничную палату, где на койке лежала женщина лет шестидесяти. Она не выглядела больной, только слегка бледная кожа и чуть покрасневшие глаза. Рядом у кровати стояло кресло, в котором сидела миловидная женщина средних лет с копной рыжих волос, чуть подкрашенными губами и розоватыми тенями вокруг глаз. Больничный белый халатик, накинутый на плечи, говорил о том, что она была посетителем, а некоторое сходство женщин позволяло предполагать, что это мать и дочь. Палата была одноместная, но достаточно просторная. На столике помимо бутылки воды и стакана стоял букетик цветов. В окно, почти закрытое жалюзи, едва проникал дневной свет. Несмотря на то, что посетительница что-то говорила матери, внимание той было обращено на меня (Эмми), и её взгляд был невероятно тёплым, выражая материнскую любовь. В этот момент в палату вошёл врач. Седоватый мужчина под пятьдесят, невысокого роста, с коротко подстриженной бородкой без усов. В руках у него были бумаги, а под мышкой – несколько папок. Он поздоровался, затем широко улыбнулся, глядя на больную, и сказал небольшую речь.

Как только он замолк, я почувствовал такой приток радостных эмоций, какой не переживал очень давно.

Бросив взгляд на Эмми, я догадался, что она испытывает похожие эмоции, и сделал паузу. Одновременно с расслаблением мысли замедлились, а потом исчезли совсем. Меня окружил вихрь мелких светящихся точек, пронзающих игл, оставляющих после распада неоновый свет. Возникали и исчезали обрывки видений, не поддающихся фокусировке. Огромный мир летел сквозь меня, оставляя частицу себя в моей памяти. Так и подмывало крикнуть: «Тпруу! Залётные, остановитесь! Дайте наглядеться на эту красоту». Немного позже, когда я вспоминал этот этап настройки наших с Эмми душ, пришло сравнение с ядерным реактором, который бомбардировал меня – маленькую плазменную частичку – своими протонами. Феерия закончилась внезапно. А меня поджидал сюрприз в виде изменения окружающего пространства, которое стало практически реальным, с полутонами и тенями, нюансами и оттенками цветов. Катя-Эмми была настолько живая, что я кинулся прижать её к своей несуществующей груди. Невежливо острое желание близости пронзило меня, несмотря на отсутствие тестостерона в моей плазменной башке. «Так и маньяком можно стать», – сыронизировал я мысленно.

– Как ты? – поинтересовался я у Эмми. – Что испытываешь нового?

– Фантастика! Я чувствую себя живее всех живых! Хочу пить шампанское и танцевать. По-моему, нам стоит озаботиться вопросом приобретения тел. Не в курсе, где тут зоомагазин? Начнём хотя бы с попугайчиков.

– Я предпочитаю начать сразу с млекопитающих. Чем тебе не нравятся, скажем, лабрадоры?

– Тогда я предпочту голубого вислоухого британца и бирманскую священную кошечку.

– Прости, я вспомнил, что ты без ума от кошек, – и продолжил: – Я задам один вопрос не по теме. Что было там с твоей бабушкой в больнице?

– Ей поставили смертельный диагноз, но потом оказалось, что перепутали фамилию, которая только на одну букву отличалась от бабушкиной. Это было чудом, что вовремя спохватились.

– Я так и подумал. Ты носишь фамилию бабушки?

– Нет, но, если тебе интересно, моя фамилия Эйртон. Ты всё равно узнаешь, ведь теперь, как я догадываюсь, можно путешествовать в воспоминаниях друг друга.

– Былов Илья, – представился я, – вот и познакомились.

– Значит, пришла пора перейти от мутуализма к конъюгации.

– Что ты сказала?! (Жаль, у меня нет бровей, они бы съехали на затылок.)

– Это термины из микробиологии. Мутуализм – взаимовыгодный симбиоз. Конъюгация – генетический обмен, сопровождающийся переносом генетической информации при контакте клеток между собой. Я понятно объяснила?

– Более чем.

– Тогда, если позволишь, я совершу прогулку по волнам твоей памяти. Обещаю, что буду ступать осторожно, не задевая острых углов, не залезая в тайники и шкафы, набитые скелетами.

– Дорогая, мне тоже хочется узнать тебя ближе настолько, насколько позволит конъюгация.

За закрытой дверью

Жизнь – это сценарий, который пишут сообща, а перечитывают в одиночку. Листая страницы своей жизни, делая переоценки событий, повлиявших на судьбы других, и свою в том числе, мы просеиваем наши мысли и деяния через сито собственной морали. Не каждый может найти в себе отрицательные черты и осудить за неблагоприятный поступок, но касательно других мы беспощадны. Такого внутреннего аудита, предоставленного малоизвестной девушке, в практике человечества ещё не было. Я решился на это, прекрасно понимая, в какой ситуации мы с Эмми оказались. Не так важны для меня воспоминания молодой девушки, как возможности, которые получили в связи с объединением в одно целое, а это дорогого стоит. К тому же я не сделал ничего такого, за что мне было бы стыдно именно перед ней. Кроме того, когда она увидит свежим взглядом со стороны мой внутренний мир, у меня появится уникальный критик, способный влиять на мои оценки и суждения. Это принесёт большую пользу в совместном поиске истины. Как гласит школьная поговорка: «Чему быть, о том не ныть». Пусть Эмми прочтёт сценарий моей жизни и огласит приговор, а я пролистаю короткую, но, надеюсь, увлекательную книгу под названием: «Эмми Эйртон».

Удивительно, почему я так надеялся сделать «открытие», побывав в прошлом Эмми? От раннего детства и до очень ранней смерти её жизнь укладывалась в рамки миллионов идентичных судеб. Семья, родня, игры, изучение мира, развлечения, учёба, первая любовь, обиды и потери – всё так же, как у прочих людей. Воспоминания индивидуальны, но мало чем отличаются от, к примеру, моих. Несхожесть в одном – ареале. Другая природа, иной уклад жизни и быта, любимые места времяпрепровождения – вот и все различия. Конечно, есть среди этого яркие моменты духовного подъёма и упадка, вызванные особыми обстоятельствами, но их можно пересчитать по пальцам. Взрослые, глядя на поступки чужих детей, умиляются, а родителей эти же поступки раздражают. Главное в оценке – восприятие. Будь я отцом Эмми, с большим интересом погрузился бы в её мир, учитывая фактор узнаваемости. Пожалуй, с ещё большим энтузиазмом я бы окунулся в память своей жены, но Эмми (хотя я представляю её в образе Кати) не смогла насытить мою жажду открывателя «психологических глубин». Единственным плюсом, который перевесил моё разочарование, была фотография на комодике в спальне бабушки. На этом фото была Эмми во весь рост в возрасте приблизительно двадцати лет, одетая в футболку и джинсы. На рамке этого фото в нижней части вензелем написано «Эмми». Такие рамки с разными именами продавались в детских магазинах. Их обычно покупали чадам, чтобы те с детства могли идентифицировать себя, теша раннее самолюбие. Теперь я знаю, как выглядит моя половинка, с которой нам приходится существовать в Эфире, где нет тел и лиц.

– Эмми, – позвал я.

– У... – услышал в ответ, но Эмми не увидел.

– Я не вижу тебя, – прошептал я испуганно, – где ты?

– В тебе, наверно, – развеселилась Эмми и добавила, – веду раскопки.

– Нарыла что-то интересное?

– Печень, почки, сердце и предстательную железу, а также кучу артефактов и твои фотографии, причём есть весьма пикантные, ха-ха...

Интересно, почему я не вижу её? Может, моё подсознание ещё не определило, каким обликом наделить девушку, Кати или Эмми? А вдруг после слияния мы потеряли эту возможность? Мне стало противно от собственной конспирологии. Жена иногда называла меня «тревожный интроверт», теперь я понял, почему. Я всегда не доверял удаче – лодке с одним веслом в бурной реке, где не знаешь, как грести и куда тебя вынесет. При любом раскладе

старался сначала рассматривать худший вариант, и, если получалось лучше, принимал это как случайный подарок.

– Илья, давай общаться, – возникла Эмми, сменив наряд на джинсы и футболку, а облик – на девушку с фото на комод.

– Ты красивая, – проворковал я, разглядывая натуральную Эмми, – мне всегда нравились рыжеволосые девушки.

– А жена шатенка, – подковырнула Эмми, – но я одобрила твой выбор. Рассказывай, что ты нашёл в моём прошлом и какие выводы сделал.

– Сначала ты, – быстро отреагировал я, надеясь по ходу беседы отредактировать свои впечатления от погружения в память Эмми.

– Начну с главного. Ты мне понравился!

– Как мило! Спасибо. Дальше.

– У тебя хороший вкус, судя по твоей жене и домашнему интерьеру.

– Это спорно, хотя и приятно. Дальше.

– Ты немного романтик, чуточку эгоист и любишь животных.

– Значит, я в большинстве, а надеялся на редкую индивидуальность, – усмехнулся я.

– Ты внешне выглядишь слишком строгим, но у тебя добрые глаза. Очевидно, ты раним и слегка закомплексован. Наверно, тебе всегда не хватало внутренней свободы.

– Где ты нашла столько информации обо мне?

– Я нашла момент, когда вы с женой разглядывали семейный альбом. Кстати, там были весьма откровенные фотографии.

– И что?!

– Могу сказать, что теперь я сменила твой образ на настоящий, правда, без костюма, – рассмеялась Эмми, – остальные детали – маленький девичий секрет.

– Противная девчонка, так вот зачем ты хотела объединить память, я-то считал, что могу довериться тебе, – наигранно проворчал я.

– Клянусь, что не буду размножать и развешивать в Эфире твоё изображение.

– Договорились. Так с чего ты решила, что я хороший?

– Странно, но я не нашла ни одного воспоминания, которое бы подтвердило обратное. Может быть, ты хранишь их в тайнике, а может, стёр, чтоб не мучиться. Предпочитаю остановиться на отсутствии доказательств наличия твоей тёмной половины. Мне так комфортнее.

– В свою очередь я не искал компромат, но считаю тебя кладом добродетелей и добавлю, что путешествие по закоулкам твоей памяти привязало меня к тебе сильнее, чем возможное совместное проживание в течение нескольких лет, – парировал я.

– Хи-хи, я стала дорога тебе как память? Уж не хочешь ли ты расстаться со мной?

– Даже не мечтай, – уже сурово сказал я, – довольно шуток и стёба. Нам нужно серьёзно о многом поговорить.

– Только один вопрос. Можно? – взволнованным тоном сказала Эмми.

– Да?

– Ты видишь сейчас меня как Эмми или как жену?

– Как Эмми.

– Ура! Значит, ты тоже нашёл мои фотографии. Я очень жалею, что образы и звуки хранятся в разных частях мозга. Мне очень хотелось бы услышать тембр твоего голоса и речевое сопровождение твоих воспоминаний. Эпоха немого кино давно прошла, но мы застряли там с тобой без права на свободу выбора.

У совести печальные глаза

Ремарка Эмми на то, что я стёр свои негативные воспоминания, заставила меня задуматься. «Ни стыда, ни совести» – кажется, так говорят о людях, которые презирают нормы морали и бросают вызов добропорядочности человеческих отношений. А что такое совесть? Наиболее ёмкое и точное определение, на мой вкус, – «модулятор нравственности». Нравственность формируется в детском возрасте в процессе воспитания родителями, окружением и, в большой степени, поступками вышеперечисленных людей. Путь от стыда к угрызениям совести приводит к оценке совершённых поступков (проступков, с точки зрения морали) и становлению нравственного самосознания. Если мать в отчаянье говорит ребёнку: «Как ты мог сделать это?» – то вместе со стыдом к ребёнку приходит осознание неправомерности поступка. А начнёт ли работать совесть и корректировать поведение в дальнейшем, зависит от примера окружающих. Помню, как взял с комода тридцать копеек и прогулял эти деньги, сходяв в кино и съев там мороженое. Мне было семь лет. Вернувшись домой довольным и сытым, я застал семейный совет в лице бабушки, мамы и старшего брата. Вопрос: «Как ты мог? Разве это ты положил сюда деньги? Это деньги бабушкины» – глубоко врезались в мой мозг. К тому же я не мог смотреть в их осуждающие глаза, было больно. И последней каплей стало то, что никто не сказал: «Где деньги? Верни назад». Всем было ясно, что я их потратил, а вернуть, естественно, не смогу. В тот день за тридцать бабушкиных копеек я купил деталь модулятора нравственности. Если Эмми видела эту сцену, понять её суть она бы не смогла, впрочем, как и многие другие, когда я собирал по частям собственный «модулятор». Другая моя бабушка была с детства богомольной, то есть верующей. И это неудивительно, потому что она родилась в конце девятнадцатого века и помнила царя. В «красном углу» её комнаты висела икона с ликом Николая Чудотворца, а под иконой чадила лампадка с конопляным маслом. Лик иконы под ризой был почти не виден, только глаза выделялись на прокопченном лице, смотрящие с проникновенным укором. Как-то я обнаружил в буфете пакет шоколадных конфет. Дома никого не было, а я заполнял свой досуг чем придется: листал книжки, играл с котёнком, смотрел в окно и поглощал конфеты. Бабушки всё не было и не было, а конфеты таяли и таяли. Наконец бабушка вернулась и позвала меня к столу обедать. После съеденных конфет обедать было выше моих сил. Зная, что на аппетит я никогда не жаловался, бабушка заподозрила неладное и обнаружила пропажу сладостей. На вопрос: «Где конфеты?» – я ответил, что пока она ходила в магазин, пришёл дядя Володя (сын бабушки) и забрал конфеты с собой. Она внимательно посмотрела на меня и промолчала. У меня отлегло от сердца в надежде, что всё сошло с рук. Немного погодя я спросил: «Ба, а почему у Николая Чудотворца такие печальные глаза?» Она, помолчав немного, ответила: «Потому что он святой и переживает за каждую душу, которая грешит». «Что такое грех?» – спросил я. «Врать – это грех!» – ответила бабушка. Вот так, всего за кулёк съеденных конфет я узнал, что у совести печальные глаза.

– Эмми...

– Слушаю.

– Я поразмышлял чуток и понял, что ты не могла видеть плохих поступков, потому что невозможно записать в память укору совести. Их нужно пережить самому.

Боги бывают разные

Эмми в своих выводах на основе только лишь просмотра фотографий и некоторых воспоминаний смогла обрисовать мой портрет с высокой степенью точности, что говорит о её знаниях в области психологии и тонкой женской интуиции. Её вердикт меня обрадовал и огорчил одновременно. Обрадовал положительной оценкой, но огорчил моим поверхностным отношением к ней как к личности. Я мог бы более подробно изучить её память и подтвердить ей своё расположение. Этот «нравственный ляп» нужно исправить при первой же возможности. Размышления прервал голос, и я увидел полуптицу, полузверя с зубастой пастью и огромным приплюснутым носом. На голове что-то наподобие рогов, а лапы вооружены длинными острыми когтями. «Вас ожидают», – проурчал довольно низкий голос существа.

У меня мелькнула мысль: «Оно говорящее?»

– Нас? – как-то робко отозвалась Эмми.

– Ты его видишь, Эмми? Какой он?

– Похож на гаргулью собора Парижской Богоматери.

Существо повертело огромным носом и повторило: «Вас ожидают, следуйте за мной».

– Нас двоих? – попытался уточнить я.

– Все следуют за мной, – утвердительно ответило чудище.

– Куда? – наши с Эмми голоса слились в один.

В этот момент передо мной появился вход в тоннель, очерченный полукруглой голубоватой аркой.

«Идём, Эмми, не бойся», – сказал я и мысленно протянул ей руку.

Мы очутились в небольшом овальном помещении с полом, выложенным белыми мраморными плитами. Приблизительно треть каждой плиты занимало изображение шестиконечной звезды со всевидящим оком в центре. Мне показалось, или так оно и есть, что звёзды были выгравированы в камне, а потом заполнены чёрной смолой либо, может быть, отполированным чёрным деревом. Гладкие стены бирюзового цвета прекрасно гармонировали с полом, а потолок был выстелен небольшими листами отполированного золота, в котором отражались пол и стены. Сопровождающий гнусаво визгнул: «Ждать здесь!», – а сам прошёл сквозь стену.

– Илья, что с нами такое? – в голосе Эмми чувствовалось напряжение.

– Давай спокойно всё обдумаем. Мне самому странно. Раньше угол обзора был около 100–110 градусов, а сейчас он равен 280. Всё время моего нахождения в Эфире я находился в пустоте, границы которой постепенно раздвигались, но это всё равно была пустота. И вдруг помещение, да ещё столь вычурное. Наверно, мы покинули Эфир. Может, это пресловутый уровень ЗОИ? Что скажешь?

– Мне показалось, что я воскресла. Такой контраст между Эфиром и этой комнатой, словно видишь сказочный сон. И ещё это чучело с крыльями... И разговаривает...

– Тут что-то не так. Мы оба видели один и тот же образ! Значит, он не персонифицированный нами объект, а реальный. Я окончательно запутался... Гексаграммы, которые изображены на полу, издревле являлись символом мироздания, его моделью. Шестиконечная звезда также символизирует слияние мужского и женского начал. Всевидящее око в центре звезды отождествляется с Логосом. А у масонов око называется «Великим Архитектором Вселенной», правда, оно вписано в треугольник. Получается, мы находимся в стилизованной приёмной Творца или какого-то мистического культа. Интересно, что гексаграмма использовалась практически всеми религиозными учениями от зари человечества. Число шесть присутствует и в древнегреческих мифах. Хаос породил Гею – землю, Тартара – бездну, Эроса – любовь, Эреба – мрак и Нюкту – ночь. Это шесть основателей мироздания. Дальше идёт нестыковка, которую греки не потрудились объяснить. Допускаю, что при родах Геи Урана не было пови-

тухи, впрочем, и мужа у Геи не было. Отец Урана – бог-невидимка. Похоже, христиане, создав историю о непорочном зачатии, использовали этот факт из древнегреческого мифа. А потом в результате инцеста Геи и Урана родились шесть девочек и шестеро мальчиков, которых впоследствии окрестили грозными титанами. Ещё интересней, что Гея (она же земля) до их рождения была почти нагой. Её дети и внуки образовали собой полный набор природных атрибутов: океан, реки, солнце, луна, заря, время, ветер и подобное. Приоделась Гея, приукрасилась и родила шесть чудищ огромных: троих великанов-циклопов одноглазых и троих пятидесятиглавых и сторуких гекатонхейров. Феномен рождения этих уродцев также историей не изучен, наверно, это был гормональный сбой.

– Ты меня развлекаешь или отвлекаешь от ненужных мыслей? – хохоча спросила Эмми.

– Что ты, что ты, я ввожу тебя в пантеон богов, которые, почти уверен, сыграют с нами в прятки, а когда мы их найдём, наградят вечной жизнью на вершине Олимпа, где мы вкусим амброзии и нектара, овеянные свежим бризом Эгейского моря. Продолжать?

– Ещё бы! У тебя выраженный иронический дар. Вот только с бризом ты перегнул, ведь Олимп не на земле.

– Если Гею всё устраивало, то Уран стыдился своих детей-уродцев. Особенно на совместных вечеринках с родственниками, которые косо поглядывали на циклопов и гекатонхейров, съедавших всю закуску до того, как их дяди и тётки успевали выпить первую рюмку божественного напитка. Конечно, с продуктами в те времена проблем не было, но приходилось долго ожидать перемены блюд. Про танцы я умолчу, так как циклопы различали только две ноты, да и те в дизезе. Умолчу и об отдавленных конечностях во время полонезов и менуэтов. К тому же Уран стал присматриваться к Эребу на предмет его адюльтера с Геей, выискивая сходство между ним и своими отпрысками. В итоге ревность победила. Уран запрятал уродцев, а заодно и остальных титанов обратно в Гею (тут греки стыдливо умалчивают название органа, называя его «недра») и запретил им вылезать обратно. Гею такой вариант не устраивал. Главная причина была в том, что рожала она их в порядке живой очереди, а теперь пришлось носить всех вместе. Тем более что они выросли на вольных пирах, а в «недрах» харчей на всех не хватало. И тогда Гея уговорила Крона возглавить справедливую борьбу за спасение матери-героини от бремени, а братьев и сестёр – от ига папаши-самодура. Крон, мысленно прикинув на себя тогу Отца небесного, колебался недолго. К тому же ему как младшему из титанов всегда доставались объедки прожорливых братьев. Оценив перспективу смены жёсткой диеты на пиршественное обжорство, он согласился. История умалчивает о том, где Крон достал серп, которым оскопил своего доверчивого родителя, хотя, занимая в то время пост бога земледелия, раздобыть расхожий инструмент не представляло труда. Заняв отцовский престол, Крон-Кронос нажил немало врагов среди родни. Его тётка Нюкта (дочь Хаоса и куратор Тартара) родила от Эреба шесть порочных детишек, которые планировались инструментами отмщения за подлое предательство Кроном интересов клана. Этим детей называли Танат – смерть, Кер – уничтожение, Эрида – раздор, Апата – обман, Немесида – месть и Гипнос – сон. Все эти и многие другие боги, которые появятся на свет в период правления Кроноса, сыграют важную роль в становлении и разделе божественной власти Олимпа. Памятуя о том, что от собственных детишек благодарности за счастливое детство не дождёшься, Крон нашёл простой выход – глотать новорожденных, дабы они усваивали этические нормы в чреве папаши, что было, по его мнению, гарантией хорошего воспитания. Пятерых детей, рождённых ему его женой-сестрой Реей, он скушал, ни разу не подавившись, а вот с шестым вышла промашка. Рея наконец решила положить конец беспределу супруга и спрятала ребёнка, коим был Зевс, в пещере на острове Крит, а Кроносу подсунула валун, завёрнутый в детские пелёнки, который он смачно проглотил. Не знаю, что он пил потом от запора, но постепенно всё нормализовалось, правда, дети рождаться перестали. Зевс подрос и возмужал, вскормленный козьим молоком и сыром и ублаженный нимфами Крита. Основным мотивом войны, объявленной Кроносу, была трогат-

тельная забота Зевса о братьях, которые ужасно страдали от частых возлияний отца и газов в его кишечнике. Их требовалось освободить, но для этого нужно было заручиться поддержкой тех, кто был ущемлён бездарной политикой правящего деспота. Большое семейство стало распадаться на антагонистов, пятую колонну, сочувствующих и патриотов. И, как обычно бывает при переделе собственности, брат пошёл на брата, внук – на бабушку, а дедушка – на внучатую сноху. Зевс учёл тяжкое положение циклопов-великанов, страдающих от собственной нереализованности в иерархии божеств, и предложил им возглавить революционную борьбу. Но циклопы делегировали эту честь сторуким гекатонхейрам, а сами вооружили Зевса новейшим оружием электроразрушающего воздействия: громом и молниями. Титаны выступили на стороне Крона, но старались держаться вдалеке от грозного оружия Зевса, чтобы не повредить зрение и слух от частых вспышек и громовых раскатов. Война длилась десять лет, что по меркам того времени соответствовало нынешним десяти суткам, и Крон был повержен. Правда, затем возник небольшой конфликт на подведомственной территории в Тартаре, где Гея произвела на свет наместника Тифона – дракона с сотней голов, каждая из которых извергала огонь. Но против электрической дуги Зевса огонь Тифона был словно пальцы в розетку. Одержав победу, всех проигравших Зевс отправил в Тартар зализывать раны, а гекатонхейров и циклопов – охранять узников от заблудившихся экскурсантов. Я вкратце пересказал тебе легенды времён, когда люди копировали поведение богов, а боги не желали быть примером для подражания. Нужно признать, что я немного вольно пересказал эпические события тех времён, но суть сохранил полностью.

– Мне очень понравилась твоя трактовка того героического времени. Я посмеялась от души...

Эмми хотела закончить мысль, но в помещении возник человек с великолепной мускулатурой и совершенно чёрный от блестящего черепа до пальцев ног, обутых в сандалии. Его тело прикрывала лёгкая накидка и что-то похожее на набедренную повязку. В этой черноте выделялись только ослепительные белки глаз.

– Я Эреб! – произнёс он с необыкновенным пафосом. – Вы здесь для выполнения деликатной миссии. Задача сложна, но учитывая то, что вы смогли слиться вместе, что до сих пор не удавалось никому из смертных, мы уверены в вашем успехе.

Неожиданный пассаж

Глядя на этого великолепного нубийца, а может, конголезца, я начал жалеть о шутливости своего рассказа о перипетиях древних богов. Вдруг обидчивость или самолюбие этого мрачного божества превалирует над разумом, и нас с Эмми отправят в жуткие глубины Тартара под охрану Кербера или двуглавого пса Орфа? На смену пришла утешающая мысль о том, что мы бестелесны и нанести нам физические страдания невозможно. Нужно прояснить ситуацию и расспросить мрачного бога о том, что нам предстоит.

– Ваша бессмертность, Эреб! Я могу так обращаться к вам? – попытался я начать диалог.

– Как тебе нравится. Для меня это несущественно, – ответил Эреб и продолжил, – я предпочитаю говорить о деле, а не болтать о пустяках. Если ты слышишь меня, значит, сделаешь так, как я скажу. Все вопросы в конце. Теперь внимайте. Вы создали уникальный «орфан», который мы не можем полностью контролировать. Я не спрашиваю, как вы это сделали, но сам факт существования такого мощного артефакта натолкнул нас на идею использования его в наших интересах. Ваша задача – найти и освободить Крона. Его поместили в Тартар, в один из самых дальних уголков затерянного мира, но он исчез. Никто не может предположить, где он обитает и что делает, по сей день. Ваша задача – прочесать царства Аида и Посейдона, найти там Крона и освободить его, если, конечно, он пленён. Вход в царство Аида справа от вас, а в царство Посейдона – слева. Чтобы войти, нужно произнести имя царя. Я не буду объяснять вам, как и что надо делать, думаю, вы разберётесь лучше меня, ибо кое в чём меня превосходите. Остальное можете спросить у меня сейчас.

– Вы можете дать нам телесность? – выпалила Эмми, едва Эреб закрыл рот.

– Если вы обретёте тела, то чем мы тогда будем отличны? Именно в таком состоянии вы представляете великую ценность, которую не способна разрушить ни одна сила этого мира. Ваш щит в вашей неуязвимости. Ещё...

– Вы говорите «мы», «нас». Кто остальные интересные? – осторожно полюбопытствовал я.

– Задание, которое я вам даю, одобрено и поддержано группой богов-прародителей. Некоторых ты вспомнил в своей дурацкой трактовке становления власти Олимпа. Но боги имеют чувство юмора и не обращают внимание на такого рода памфлеты, – в упор глядя на меня, ответил Эреб.

– Как нам перемещаться? У нас же нет ног и карты.

– Перемещайтесь туда, на чём сконцентрирован взгляд, если не получается, мысленно представьте вход. А карта будет прорисовываться у вас по мере продвижения, и вы будете знать те места, где уже были. Всё остальное пространство будет оставаться в тени. Общий контур владений царей вы можете запомнить по рисунку на стенах в этом зале. Ещё...

– Как мы узнаем Кронуса? – спросила Эмми.

– А как вы узнали меня? – с голливудской улыбкой спросил Эреб. – Назовите имя, больше ничего не надо, только имя.

– Почему бы нам не начать поиски с Олимпа? – задал я вопрос и тут же пожалел об этом.

– Ты издеваешься надо мной? – распалился Эреб, – У Зевса под полой спрятан его враг?

– Простите мою бестактность, но иногда прятать нужно там, где никто не додумается искать, – промямлил я и заметил, что бог мрака оттаял.

– Ты верно мыслишь. Именно поэтому тебя так рекомендовал Танат, но начинать поиск нужно с царства Аида. Дальше будет видно. Ещё...

– У нас есть враги или люди, готовые нам помешать? – спросила Эмми.

– Люди? Где ты видишь людей? Здесь только я и два призрака. Я открою вам один секрет. Вы невидимы, пока не обнаружите себя голосом, но даже если ваш облик увидят, добраться до

вашего мозга практически невозможно. До определённого момента вас контролировал Эфир. Но есть места, где вас можно идентифицировать. Таких мест немного, и это одно из них. На Олимпе вы не сможете спрятаться нигде. Ещё там любят задавать вопросы. Соврать не получится, а сказав правду, вы обречёте себя на гибель. Вопросы?

– Почему вы ищете Крона? Вы хотите снова посадить его на трон? – нежным голосом, боясь разъярить бога, спросила Эмми.

– Крон оскоплён Зевсом и царём богов быть не вправе, но его присутствие в мире необходимо, чтобы предотвратить катастрофу. Крон – Кронос – Время. Так вышло, что время для всех нас с момента пропажи Кроноса остановилось. Сначала, занятые своими делами, мы даже не заметили. Сейчас пришло осознание катастрофы, и с этим надо что-то делать.

– Катастрофа в чём?

– Для Зевса это драгоценный подарок, о котором он и не мечтал. А для нас, находящихся вдали от трона, это смерть, так как силы покидают нас, подпитывая собой иссякающие потоки времени. Всё дело в энергии Олимпа. Эта энергия бесконечно питает всех его обитателей и поддерживает их божественную сущность, а мы – изгой, находящиеся в отдалении от трона обречены стать простыми смертными.

– Какой ужас! – вырвалось у Эмми.

Эреб благодарно взглянул на неё и продолжил: – Найдите Кроноса, и, клянусь Хаосом, мы отблагодарим вас дарами, достойными олимпийских богов.

– Хотелось бы об этом подробнее, – попросила Эмми.

– Бессмертие и уютное сытное существование вас устроит? – задал Эреб встречный вопрос.

Сказав это, Эреб провёл в воздухе дугу одной рукой, а затем другой, и на стенах справа и слева появились контуры царств Аида и Посейдона.

– Прощайте, – немного грустно сказал Эреб и растворился.

– Он так быстро исчез, а у меня ещё есть вопросы, – плаксиво запричитала Эмми.

– Не переживай. Нам встретятся многие из тех, кто почтёт за честь просветить наши блудные души, а мы в свою очередь наставим их на путь истинный, – съязвил я потому, что у меня, так же как у Эмми, было что спросить. – Давай разработаем дорожную карту.

– Илья, ты слышал, что, явившись на Олимп, можно принять смерть? Может, это хороший вариант, а?

– Думаю, что не всё так просто. Во-первых, после смерти мы можем попасть куда-то ещё, ведь многие религии говорят о бессмертии души. Возможно, новое место покажется нам гораздо худшим, чем это. Во-вторых, если мы выполним задание, то, как сказал Эреб, нам могут дать тела, и мы заживём как в сказке, купаясь в лучах почёта и благодарности местных богов. И третье: меня напрягло, что сам бог смерти Танат знает о моём существовании и делает мне протекцию у местных авторитетных господ. Выходит, я тут как рок-звезда, дающая концерты на корпоративах.

– Про тела и почёт он не говорил, но ты прав: в других местах может быть гораздо хуже. Я решила прогуляться по царству Аида. Когда ещё выпадет такая уникальная возможность познакомиться с колоритными персонажами ада? Правда, страшновато, но с тобой и чёрт не брат.

Мы взгляделись в абрис карты на правой стене, запоминая контуры, и я произнёс: «Аид».

Ад – место для прогулок

Собираясь в дальнюю дорогу, любой нормальный человек составляет план, куда входят маршруты перемещения, места проживания, бюджет расходов, транспорт, контакты и другие аспекты, необходимые для путешествия и комфортной жизни вдали от дома. Мы же с Эмми пустились в авантюрное и крайне опасное путешествие с маленьким багажом отрывочных представлений о мрачном царстве, где нам предстояло выполнить фантастическую миссию по возвращению опального бога в лоно его привычного обитания. Две не совсем ещё умершие души, блуждающие в царстве «мёртвых душ» в поисках Времени, – это нонсенс. Примерно такие мысли пришли мне, пока я разглядывал окружающий ландшафт. Серое и безликое пространство окружило нас дымкой испарений, поднимающихся от бесплодной земли. Куда ни бросишь взор, везде уныние и пустота. Ни надгробных камней с эпитафиями, ни холмиков давно заброшенных могил, и только вдали иногда возникают полупрозрачные тени, которые пропадают, оставляя призрачный свет. Таким предстало начало пути, которым мы должны продвигаться к конечной цели.

– Мне тоскливо и страшновато, идём быстрее, – прошептала Эмми, – Может быть, мы найдем более приятное взгляду место.

– Надеюсь, ты запомнила слова Эреба о нашей неуязвимости и примешь их во внимание. Нам нечего бояться, ведь даже боги признают наше частичное превосходство над ними.

– При виде этой бескрайней тоски я потеряла способность нормально соображать, – более спокойно произнесла Эмми.

Следует отметить, что во время нахождения в Эфире моё передвижение было ограничено, вернее, я как бы оставался на одном месте, а пространство вокруг меня незначительно изменялось. При этом отсутствовало ощущение движения. Сейчас процесс передвижения качественно улучшился, так как появилась динамика, сопровождающаяся сменой декораций. Проще говоря, я размеренно приближался к объекту, на котором сосредоточивал внимание, а Эмми следовала за мной, ориентируясь на мой визуальный образ на расстоянии вытянутой руки. Так мы продвигались вперёд, стараясь не сосредотачивать внимание на безрадостных картинах окружающего ландшафта. Постепенно виды безжизненной земли преобразовались в островки больших валунов, расщелины в потрескавшейся земле и овраги с болотной жижей на дне. Рельеф равнины сменился на каменистое предгорье. Внизу показалась река – такая же бесплотная и уныло-серая, как и вид окрестности. Я невольно начал искать лодку старика Харона, но в пределах обзора не заметил ничего похожего на неё. Приблизившись к реке, мы остановились и снова огляделись. На противоположном берегу, вдалеке, я увидел мерцающий огонёк.

– Эмми, видишь огонёк на том берегу?

– Да, вижу. Кажется, это костёр.

– Пойдём к нему.

Проходя над рекой, я вспомнил, как Христос ходил по воде, и представил его бестелесной душой, похожей на нас с Эмми. Он мог по желанию обретать тело или становиться призраком, удивляя и восхищая людей своими уникальными способностями. Костёр оказался тлеющими углями, иногда вспыхивающими под дуновением ветерка. Неподалёку лежала кучка хвороста. Рядом валялись лохмотья старой грязной ткани, похожей на рубище.

– Илья, как называется эта река?

– Топографических карт владений Аида никто не делал. Да и кто бы мог создать карту места, откуда не возвращаются? Данте Алигьери в своей «Божественной комедии» описывает реки подземного царства в привязке перемещения своего героя по семи кругам Ада. Из этого описания следует, что Ахеронт протекает от первого круга до пятого, где впадает в Стикс (Сти-

гийское болото), затем, огибая город Дита ниже по течению, он становится Флегетоном и в виде кровавого ручья минует лес и огненную пустыню, а уж потом водопадом низвергается в глубь земли, становясь ледяным озером Коцит. В повествовании присутствует и река Лета, испив из которой, теряешь память. Вот и вся топонимия рек Ада. Смущает меня только одно: с того визита прошли многие века и воды утекло немало. Могло что-то пересохнуть или поменять русло, или произошло землетрясение, в принципе всё могло произойти. И мы не будем руководствоваться устаревшими сведениями, а сами станем картографами этого чудесного края, в который нас занесло. Ответ на твой вопрос прост – это река Ахеронт. Она единственная в Аду, но на своём протяжении меняет названия в зависимости от своего назначения.

– Значит, если мы пойдём по руслу реки, то попадём к центру земли, где находится озеро Коцит?

– Может, да, а может, нет. Лучше было бы расспросить кого-то из аборигенов о здешних местах. Лично я рассчитывал на помощь Харона, только где его искать?

– Найдём лодку – найдём и Харона.

– Логично, так и поступим. Надо осмотреться у реки.

Мы вернулись к реке, уныло несущей свои серые воды к чистилищу Ада. В этот момент на поверхности показалась голова человека, плывущего к берегу. На берег выбрался рослый мулат атлетического сложения с длинными по пояс золотистыми курчавыми волосами и стал их отжимать, закручивая в косу.

– Какой красавчик! – вырвалось у Эмми.

– Кто здесь? – мулат, будучи полностью обнажён, направился к нам, нисколько не стесняясь своей наготы.

Когда он приблизился, я спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.